

Известно, что все главные деятели первой революции были Франк-Масонами и что, когда эта революция разразилась, она встретила благодаря Франк-Масонству друзей и преданных, могущественных союзников во всех других странах, что, конечно, сильно помогло ее торжеству. Но также очевидно, что торжество революции убило Франк-Масонство, ибо после того, как революция в значительной мере выполнила пожелания буржуазии и поставила ее на место родовой аристократии, буржуазия, бывшая долгое время утесняемым и эксплуатируемым классом, естественно, сделалась, в свою очередь, классом привилегированным, эксплуататорским, притесняющим, консервативным и реакционным, сделалась другом и самой надежной поддержкой государства. После захвата власти первым Наполеоном Франк-Масонство сделалось в большинстве стран Европейского континента императорским учреждением.

Реставрация его отчасти воскресила. Буржуазия, видя угрозу возвращения старого режима, вынужденная уступить церкви и дворянству место, завоеванное ею в первую революцию, принуждена была снова сделаться революционной. Но какая разница между этим подогретым революционизмом и горячим, могучим революционизмом, вдохновлявшим ее в конце прошлого столетия! Тогда буржуазия была искренна, она серьезно и наивно верила в права человека, ее двигал, вдохновлял гений разрушения и обновления, она была в полной силе ума и в полном развитии сил; она еще не подозревала, что бездна отделяет ее от народа; она себя считала, чувствовала и действительно была представительницей народа. Реакция термидора и заговор Бабефа навсегда лишили ее этой иллюзии. Бездна, разделяющая рабочий народ от эксплуатирующей, властвующей и благоденствующей буржуазии, открылась, и, чтобы заполнить эту бездну, понадобится весь класс буржуазии, целиком, все привилегированное существование буржуа. Поэтому не вся буржуазия в ее целом, а только часть ее возобновила после реставрации заговорщицкую деятельность против дворянского, клерикального режима и законных королей.

В следующем письме я разовью вам, если вы мне позволите, свои мысли относительно последней фазы конституционного либерализма и буржуазного карбонаризма.

Письмо второе¹

Я сказал в предыдущем письме, что реакционные, легитимистические, феодальные и клерикальные попытки пробудили снова революционный дух буржуазии, но что между этим новым духом и телом, который одушевлял ее до 1793 года, была громадная разница. Буржуа прошлого столетия были гигантами, в сравнении с которыми самые смелые из буржуа этого столетия кажутся лишь пигмеями.

Чтобы в этом убедиться, надо только сравнить их программы. Какова была программа философии и великой революции XVIII столетия? Не более, не менее, как полное освобождение всего человечества; осуществление для каждого и всех права и действительной и полной свободы путем всеобщего политического и социального уравнивания; торжество человечности на развалинах божеского мира; царство свободы и братства на земле. Ошибкой этой философии и этой революции было непонимание, что осуществление человеческого братства невозможно, пока существуют государства, и что действительное уничтожение классов и политическое, и социальное уравнивание индивидов возможны не иначе, как при уравнивании для всех и каждого экономических средств, воспитания, образования, труда и жизни. Тем не менее было бы несправедливо упрекать XVIII век за то, что он этого не понял. Общественные науки не создаются, не изучаются с помощью одних книг; они нуждаются в великих уроках истории, и надо было совершить революцию 1789 и 1793 годов, надо было повторить опыт 1830 и 1848 годов, чтобы прийти к этому, отныне несокрушимо заключению, что всякая политическая революция, не ставящая себе *немедленной* и *прямой* целью экономическое равенство, является, с точки зрения народных интересов и прав, не чем иным, как лицемерной и замаскированной реакцией.

Эта столь очевидная и простая истина была еще неизвестной в конце XVIII столетия, и, когда Бабеф выдвинул экономический и социальный вопрос, сила революции была уже исчерпана. Тем не менее этой последней принадлежит бессмертная честь провозглашения самой великой цели из всех, когда-либо поставленных в истории — освобождение всего человечества в его целом.

Какую же цель преследует в сравнении с этой громадной программой программа революционного либерализма в эпоху Реставрации и Июльской монархии? Пресловутую благоразумную свободу, очень скромную, очень упорядоченную, очень ограниченную, приноровленную как раз к ослабевшему

¹ Женева, 28 марта 1869 г. — Le Progres, № 7 (3 апр. 1869 г.), стр. 2–3.